

М. КУЗМИНЪ

АЛЕКСАНДРІЙСКІЯ
ПѢСНИ

ПЕТЕРБУРГЪ

**АЛЕКСАНДРІЙСКІЯ
ПЪСНИ**

М. КУЗМИНЪ

АЛЕКСАНДРІЙСКІЯ
ПЪСНИ

Т-ж Р. ГОЛЫНЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ Петроградъ Звенигородская 18

I. ВСТУПЛЕНИЕ

1.

Какъ пѣсня матери
надъ колыбелью ребенка,
какъ горное эхо,
утромъ на пастушій рожокъ отозвавшееся,
какъ далекій прибой
родного, давно не видѣннаго моря,
звучитъ мнѣ имя твое
трижды блаженное:
Александрія!

Какъ прерывистый шопоть
любовныхъ подъ дубами признаній,
какъ таинственный шумъ
тѣнистыхъ рощъ священныхъ,
какъ тамбурина Кибелы великой,
подобный дальнему грому и голубей воркованью,
звучитъ мнѣ имя твое
трижды мудрое:
Александрія!

Какъ звукъ трубы передъ боемъ,
клекоть орловъ надъ бездной,
шумъ крыльевъ летящей Ники,
звучитъ мнѣ имя твое
трижды великое:
Александрія!

2.

Когда мнѣ говорятъ: «Александрія»,
я вижу бѣлыя стѣны дома,
небольшой садъ съ грядкой левкоевъ,
блѣдное солнце осенняго вечера
и слышу звуки далекихъ флейтъ.

Когда мнѣ говорятъ: «Александрія»,
я вижу звѣзды надъ стихающимъ городомъ,
пьяныхъ матросовъ въ темныхъ кварталахъ,
танцовщицу, пляшущую «осу»,
и слышу звукъ тамбурина и крики ссоры.

Когда мнѣ говорятъ: «Александрія»,
я вижу блѣдно-багровый закатъ надъ зеленымъ
моремъ,
мохнатыя мигающія звѣзды
и свѣтлые сѣрые глаза подъ густыми бровями,
которые я вижу и тогда,
когда не говорятъ мнѣ: «Александрія!»

3.

Вечерній сумракъ надъ теплымъ моремъ,
огни маяковъ на потемнѣвшемъ небѣ,
запахъ вербены при концѣ пира,
свѣжее утро послѣ долгихъ бдѣній,
прогулка въ аллеяхъ весенняго сада,
крики и смѣхъ купающихся женщинъ,
священные павлины у храма Юноны,
продавцы фіалокъ, гранатъ и лимоновъ,
воркуютъ голуби, свѣтитъ солнце,
когда увижу тебя, родимый городъ!

II. ЛЮБОВЬ

1.

Когда я тебя въ первый разъ встрѣтилъ,
не помнить бѣдная память:
утромъ ли то было, днемъ ли,
вечеромъ, или поздною ночью.
Только помню блѣдноватыя щеки,
сѣрые глаза подъ темными бровями
и синій воротъ у смуглой шеи,
и кажется мнѣ, что я видѣлъ это въ раннемъ
дѣтствѣ,
хотя и старше тебя я многимъ.

2.

Ты—какъ у гадателя отрокъ:
все въ моемъ сердцѣ читаешь,
всѣ мои отгадываешь мысли,
всѣ мои думы знаешь,
но знанье твое тутъ невелико,
и не много словъ тутъ и нужно,
тутъ не надо ни зеркала, ни жаровни:
въ моемъ сердцѣ, мысляхъ и думахъ
все одно звучить разными голосами:
«люблю тебя, люблю тебя навѣки!»

3.

Навѣрно въ полдень я былъ зачатъ,
навѣрно родился въ полдень,
и солнца люблю я съ равныхъ лѣтъ
лучистое сіянье.

Съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ я глаза твои,
я сталъ равнодушенъ къ солнцу:
зачѣмъ любить мнѣ его одного,
когда въ твоихъ глазахъ ихъ двое?

4.

Люди видятъ сады съ домами
и море, багровое отъ заката,
люди видятъ чайкъ надъ моремъ
и женщинъ на плоскихъ крышахъ,
люди видятъ воиновъ въ латахъ
и на площади продавцовъ съ пирожками,
люди видятъ солнце и звѣзды,
ручьи и свѣтлыя рѣчки,
а я вездѣ только и вижу
блѣдноватыя смуглыя щеки,
сѣрые глаза подъ темными бровями
и несравнимую стройность стана,—
такъ глаза любящихъ видятъ
то, что видѣть велитъ имъ мудрое сердце.

5.

Когда утромъ выхожу изъ дома,
я думаю, глядя на солнце:
«какъ оно на тебя похоже,
когда ты купаешься въ рѣчкѣ
или смотришь на дальніе огороды!»
И когда смотрю я въ полдень жаркій
на то же жгучее солнце,
я думаю про тебя, моя радость:
«какъ оно на тебя похоже,
когда ты ѣдешь по улицѣ людной!»
И при взглядѣ на нѣжные закаты
ты же мнѣ на память приходишь,
когда, поблѣднѣвъ отъ ласкъ, ты засыпаешь
и закрываешь потемнѣвшія вѣки.

6.

Не напрасно мы читали богослововъ
и у риторовъ учились не даромъ,
мы знаемъ значенье каждаго слова
и все можемъ толковать седмиобразно.
Могу найти четыре добродѣтели въ твоёмъ тѣлѣ
и семь грѣховъ, конечно;
и охотно возьму себѣ блаженства;
но изъ всѣхъ словъ одно неизмѣнно:
когда смотрю въ твои сѣрыя очи
и говорю: «люблю»—всякій риторъ
пойметъ только «люблю» и ничего больше.

7.

Если бѣ я былъ древнимъ полководцемъ,
покорилъ бы я Эѳіопію и Персовъ,
свергнулъ бы я фараона,
построилъ бы себѣ пирамиду,
выше Хеопса,
и сталъ бы
славнѣе всѣхъ живущихъ въ Египтѣ.

Если бѣ я былъ ловкимъ воромъ,
обокралъ бы я гробницу Менкаура,
продалъ бы камни александрійскимъ евреямъ,
накупилъ бы земель и мельницъ
и сталъ бы
богаче всѣхъ живущихъ въ Египтѣ.

Если бѣ я былъ вторымъ Антиноемъ,
утопившимся въ священномъ Нилѣ,
я бы всѣхъ сводилъ съ ума красотою,
при жизни мнѣ были бѣ воздвигнуты храмы,
и сталъ бы
сильнѣе всѣхъ живущихъ въ Египтѣ.

Если бѣ я былъ мудрецомъ великимъ,
прожилъ бы я всѣ свои деньги,
отказался бы отъ мѣстъ и занятій,
сторожилъ бы чужіе огороды
и сталъ бы
свободнѣй всѣхъ живущихъ въ Египтѣ.

Если бѣ я былъ твоимъ рабомъ послѣднимъ,
сидѣлъ бы я въ подземельѣ,
и видѣлъ бы разъ въ годъ или два года
золотой узоръ твоихъ сандалій,
когда ты случайно мимо темницъ проходишь,
и сталъ бы
счастливѣй всѣхъ живущихъ въ Египтѣ.

III. ОНА

1.

Насъ было четыре сестры, четыре сестры насъ
было,
всѣ мы четыре любили, но всѣ имѣли разныя
«потому что»:
одна любила, потому что такъ отецъ съ матерью
ей велѣли,
другая любила, потому что богатъ былъ ея лю-
бовникъ,
третья любила, потому что онъ былъ знамени-
тый художникъ,
а я любила, потому что полюбила.

Насъ было четыре сестры, четыре сестры насъ
было,
всѣ мы четыре желали, но у всѣхъ были раз-
ныя желанья:
одна желала воспитывать дѣтей и варить кашу,
другая желала надѣвать каждый день новыя платья,
третья желала, чтобъ всѣ о ней говорили,
а я желала любить и быть любимой.

Насъ было четыре сестры, четыре сестры насъ
было,
всѣ мы четыре разлюбили, но всѣ имѣли раз-
ныя причины:
одна разлюбила, потому что мужъ ея умеръ,
другая разлюбила, потому что другъ ея разорился,
третья разлюбила, потому что художникъ ее бро-
силъ,
а я разлюбила, потому что разлюбила.

Насъ было четыре сестры, четыре сестры насъ
было,
а можетъ быть, насъ было не четыре, а пять?

2.

Весною листья мѣняетъ тополь,
весной возвращается Адонисъ
изъ царства мертвыхъ...
ты же весной куда уѣзжаешь, моя радость?

Весною всѣ поѣдутъ кататься
по морю иль по садамъ въ предмѣстьяхъ
на быстрыхъ коняхъ...
а мнѣ съ кѣмъ кататься въ легкой лодкѣ?

Весной всѣ надѣнутъ нарядныя платья,
пойдутъ попарно въ луга съ цвѣтами
сбирать фіалки...
а мнѣ, что жъ, дома сидѣть прикажешь?

3.

Сегодня праздникъ:
всѣ кусты въ цвѣту,
поспѣла смородина,
и лотосъ плавасть въ пруду, какъ улей!
Хочешь,
побѣжимъ вперегонку
по дорожкѣ, обсаженной желтыми розами,
къ озеру, гдѣ плаваютъ золотыя рыбки?
Хочешь,
пойдемъ въ бесѣдку,
намъ дадутъ сладкихъ напитковъ,
пирожковъ и орѣховъ,
мальчикъ будетъ махать опахаломъ,
а мы будемъ смотрѣть
на далекіе огороды съ кукурузой?
Хочешь,
я спою греческую пѣсню подъ арфу,
только уговоръ:
«не засыпать
и по окончаніи похвалить пѣвца и музыканта»?

Хочешь,
я станцую «осу»
одна на зеленой лужайкѣ
для тебя одного?
Хочешь,
я угощу тебя смородиной, не беря руками,
и ты возьмешь губами изъ губъ
красныя ягоды
и вмѣстѣ
поцѣлуй?
Хочешь, хочешь,
будемъ считать звѣзды,
и кто спутается, будетъ наказанъ?
Сегодня праздникъ,
весь садъ въ цвѣту,
приди, мой неаглядный,
и праздникъ сдѣлай праздникомъ и для меня!

4.

Развѣ неправда,
что жемчужина въ уксусѣ таетъ,
что вербена освѣжаетъ воздухъ,
что нѣжно голубей воркованье?

Развѣ неправда,
что я—первая въ Александріи
по роскоши дорогихъ уборовъ,
по цѣнности бѣлыхъ коней и серебряной сбруи,
по длинѣ черныхъ косъ хитросплетенныхъ?
что никто не умѣетъ
подвести глаза меня искуснѣй
и каждый палецъ наплатать
отдѣльнымъ ароматомъ?

Развѣ неправда,
что съ тѣхъ поръ, какъ я тебя увидала,
ничего я больше не вижу,
ничего я больше не слышу,
ничего я больше не желаю,
какъ видѣть твои глаза,

сѣрые подѣ густыми бровями,
и слышать твой голосъ?

Развѣ неправда,
что я сама дала тебѣ айву откусивши,
посылала опытныхъ наперсницъ,
платила твои долги до того,
что продала имѣнье
и всѣ уборы
отдала за любовные напитки?
и развѣ неправда,
что все это было напрасно?

Но пусть правда,
что жемчужина въ уксусѣ таетъ,
что вербена освѣжаетъ воздухъ,
что нѣжно голубей воркованье —
будетъ правдой,
будетъ правдой
и то,
что ты меня полюбишь!

5.

Подражаніе П. Луису.

Ихъ было четверо въ этотъ мѣсяцъ,
но лишь одинъ былъ тотъ, кого я любила.

Первый совсѣмъ для меня разорился,
посылалъ каждый часъ новые подарки
и, продавши послѣднюю мельницу, чтобъ купить
мнѣ запястья,
которыя звякали, когда я плясала,—закололся,
но онъ не былъ тотъ, кого я любила.

Второй написалъ въ мою честь тридцать элегій,
извѣстныхъ даже до Рима, гдѣ говорилось,
что мои щеки—какъ утреннія зори,
а косы—какъ пологъ ночи,
но онъ не былъ тотъ, кого я любила.

Третій, ахъ, третій былъ такъ прекрасенъ,
что родная сестра его удушилась косою
изъ страха въ него влюбиться;
онъ стоялъ день и ночь у моего порога,
умоляя, чтобъ я сказала: «приди», но я молчала,
потому что онъ не былъ тотъ, кого я любила.

Ты же не былъ богатъ, не говорилъ про зори
и ночи,
не былъ красивъ,
и когда на праздникѣ Адониса я бросила тебѣ
гвоздику,
посмотрѣлъ равнодушно своими свѣтлыми гла-
зами,
но ты былъ тотъ, кого я любила.

6.

Не знаю, какъ это случилось:
моя мать ушла на базаръ;
я вымела домъ
и сѣла за ткацкій станокъ.
Не у порога (клянусь!), не у порога я сѣла,
а подъ высокимъ окномъ.
Я ткала и пѣла;
что еще? ничего.
Не знаю, какъ это случилось:
моя мать ушла на базаръ.

Не знаю, какъ это случилось:
окно было высоко.
Навѣрно, подкатилъ онъ камень,
или влѣзъ на дерево,
или всталъ на скамью.

Онъ сказалъ:

«я думалъ, это малиновка,
а это—Пенелопа.

Отчего ты дома? Здравствуй!»

— Это ты какъ птица лазаешь по застрѣхамъ,
а не пишешь своихъ любезныхъ свитковъ
въ судѣ.—

«Мы вчера катались по Нилу—
у меня болитъ голова».

— Мало она болитъ,
что не отучила тебя отъ ночныхъ гулянокъ.—
Не знаю, какъ это случилось:
окно было высоко.

Не знаю, какъ это случилось:

я думала, ему не достать.

«А что у меня во рту, видишь?»

— Чему быть у тебя во рту?

Крѣпкіе зубы да болтливый языкъ,
глупости въ головѣ.—

«Роза у меня во рту—посмотри».

— Какая тамъ роза!—

«Хочешь, я тебѣ ее дамъ,
только достань сама».

Я поднялась на цыпочки,
я поднялась на скамейку,
я поднялась на крѣпкій станокъ,
я достала алую розу,
а онъ, негодный, сказалъ:

«ртомъ, ртомъ,

изо рта только ртомъ,
не руками, чуръ, не руками!»
Можетъ быть, губы мои
и коснулись его, я не знаю.
Не знаю, какъ это случилось:
я думала, ему не достать.

Не знаю, какъ это случилось:
я ткала и пѣла;
не у порога (клянусь!), не у порога сидѣла,
окно было высоко:
кому достать?
Мать, вернувшись, сказала:
«что это, Зоя,
вмѣсто нарцисса ты выткала розу?
Что у тебя въ головѣ?»
Не знаю, какъ это случилось.

IV. МУДРОСТЬ

1.

Я спрашивалъ мудрецовъ вселенной:
«зачѣмъ солнце грѣетъ?
зачѣмъ вѣтеръ дуетъ?
зачѣмъ люди родятся?»

Отвѣчали мудрецы вселенной:
— солнце грѣетъ затѣмъ,
чтобъ созрѣвалъ хлѣбъ для пищи
и чтобы люди отъ заразы мѣрли;
вѣтеръ дуетъ затѣмъ,
чтобъ приводить корабли къ пристани дальней
и чтобъ пескомъ засыпать караваны;
люди родятся затѣмъ,
чтобъ разстаться съ милою жизнью
и чтобъ отъ нихъ родились другіе для смерти.—

«Почему жъ боги такъ все создали?»
— Потому же,
почему въ тебя вложили желанье
задавать праздные вопросы.—

2.

Что жъ дѣлать,
что багрянецъ вечернихъ облаковъ
на зеленоватомъ небѣ,
когда слѣва ужъ виденъ мѣсяцъ
и космато-огромная звѣзда,
предвѣстница ночи,—
быстро блѣднѣетъ,
таетъ
совсѣмъ на глазахъ?
что путь по широкой дорогѣ
между деревьевъ мимо мельницъ,
бывшихъ когда то моими,
но промѣненныхъ на запястья тебѣ,
гдѣ мы ѣдемъ съ тобой,—
кончается тамъ за поворотомъ,
хотя бѣ и привѣтливимъ
домомъ,
совсѣмъ сейчасъ?

что мои стихи,
дорогіе мнѣ,
такъ же, какъ Каллимаху
и всякому другому великому,
куда я влагаю любовь, и всю нѣжность,
и легкія отъ боговъ мысли,
отрада утрѣ моихъ,
когда небо ясно
и въ окна пахнетъ жасминомъ, —
завтра
забудутся, какъ и все?
что перестану я видѣть
твое лицо?
слышать твой голосъ?
что выпьется вино,
улетучатся ароматы
и сами дорогія ткани
истлѣютъ
черезъ столѣтья?
Развѣ меньше я стану любить
эти милыя хрупкія вещи
за ихъ тлѣнность?

3.

Какъ люблю я, вѣчные боги,
прекрасный міръ!
Какъ люблю я солнце, тростники
и блескъ зеленоватаго моря
сквозь тонкія вѣтви акацій!
Какъ люблю я книги (моихъ друзей),
тишину одинокаго жилища
и видъ изъ окна
на дальніе дынные огороды!
Какъ люблю пестроту толпы на площади,
крики, пѣнье и солнце,
веселый смѣхъ мальчиковъ, играющихъ въ мячъ!
Возвращенье домой
послѣ веселыхъ прогулокъ,
поздно вечеромъ,
при первыхъ звѣздахъ,
мимо уже освѣщенныхъ гостиницъ,
съ уже далекимъ другомъ!

Какъ люблю я, вѣчные боги,
свѣтлую печаль,
любовь до завтра,
смерть безъ сожалѣнья о жизни,
гдѣ все мило,
которую люблю я, клянусь Діонисомъ,
всею силою сердца
и милой плоти!

4.

Сладко умереть
на полѣ битвы
при свистѣ стрѣлъ и копій,
когда звучитъ труба
и солнце свѣтитъ,
въ полдень,
умирая для славы отчизны
и слыша вокругъ:
«прощай, герой!»
Сладко умереть
маститымъ старцемъ
въ томъ же домѣ,
на той же кровати,
гдѣ родились и умерли дѣды,
окруженнымъ дѣтьми,
ставшими уже мужами,
и слыша вокругъ:
«прощай, отецъ!»

Но еще слаще,
еще мудрѣе,
истративши все имѣнье,
продавши послѣднюю мельницу
для той,
которую завтра забылъ бы,
вернувшись
послѣ веселой прогулки
въ уже проданный домъ,
поужинать
и, прочитавъ разсказъ Апулея
въ сто первый разъ,
въ теплой, душистой ваннѣ,
не слыша никакихъ прощаній,
открыть себѣ жилы;
и чтобъ въ длинное окно у потолка
пахло левкоями,
свѣтила заря
и вдалекѣ были слышны флейты.

5.

Солнце, солнце,
божественный Ра-Геліосъ,
тобою веселятся
сердца царей и героевъ,
тебѣ ржутъ священные кони,
тебѣ поютъ гимны въ Геліополѣ;
когда ты свѣтишь,
ящерицы выползаютъ на камни,
и мальчики идутъ со смѣхомъ
купаться къ Нилу.
Солнце, солнце,
я—блѣдный писецъ,
библіотечный затворникъ,
но я люблю тебя, солнце, не меньше,
чѣмъ загорѣлый морякъ,
пахнущій рыбой и соленой водою,
и не меньше,

чѣмъ его привычное сердце
ликуетъ
при царственномъ твоёмъ восходѣ
изъ океана,
мое трепещетъ,
когда твой пыльный, но пламенный лучъ
скользнетъ
сквозь узкое окно у потолка
на исписанный листъ
и мою тонкую желтоватую руку,
выводящую киноварью
первую букву гимна тебѣ,
о, Ра-Геліосъ солнце!

V. ОТРЫВКИ

1.

Сынъ мой,
настало время разстаться.
Долго не будешь ты меня видѣть,
долго не будешь ты меня слышать,
а давно ли
тебя привелъ твой дѣдъ изъ пустыни,
и ты сказалъ, смотря на меня:
«это богъ Фта, дѣдушка?»
Теперь ты самъ, какъ богъ Фта,
и ты идешь въ широкій мѣръ,
и ты идешь безъ меня,
но Изида вездѣ съ тобою.
Помнишь прогулки
по аллеямъ акацій
во дворѣ храма,
когда ты говорилъ мнѣ о своей любви
и плакалъ, блѣднѣя смуглымъ лицомъ?

Помнишь, какъ со стѣнъ храма
мы смотрѣли на звѣзды,
и городъ стихалъ,
вблизи, но далекій?
Я не говорю о божественныхъ тайнахъ.
Завтра другіе ученики придутъ ко мнѣ,
которые не скажутъ: «это богъ Фта?»—
потому что я сталъ старѣе,
тогда какъ ты сталъ походить на бога Фта,
но я не забуду тебя,
и мои думы,
мои молитвы
будутъ сопровождать тебя въ широкій міръ,
о, сынъ мой.

2.

Когда меня провели сквозь садъ
черезъ рядъ комнатъ—направо, налѣво—
въ квадратный покой,
гдѣ подъ лиловатымъ свѣтомъ сквозь занавѣски
лежала

въ драгоценныхъ одеждахъ,
съ браслетами и кольцами,
женщина, прекрасная, какъ Гаторъ,
съ подведенными глазами и черными косами—
я остановился.

И она сказала мнѣ:

«ну?»

а я молчалъ,
и она смотрѣла на меня улыбаясь
и бросила мнѣ цвѣтокъ изъ волосъ,
желтый.

Я поднялъ его и поднесъ къ губамъ,
а она, косясь, сказала:

«ты пришелъ затѣмъ,
мальчикъ,

чтобъ поцѣловать цвѣтокъ, брошенный на полъ?»

— Да, царица—промолвилъ я,
и весь покой огласился
звонкимъ смѣхомъ женщины
и ея служанокъ;
онѣ разомъ всплескивали руками,
разомъ смѣялись,
будто сестры на праздникѣ Изиды,
вразъ ударяемые жрецами.

3.

Что за дождь!

Нашъ парусъ совсѣмъ смокъ,
и не видно ужъ, что онъ—полосатый.

Румяна потекли по твоимъ щекамъ,
и ты—какъ тирскій красильщикъ.

Со страхомъ переступили мы
порогъ низкой землянки угольщика;
хозяинъ со шрамомъ на лбу
растолкалъ грязныхъ въ коростѣ ребятъ
съ больными глазами,
и, поставивъ обрубокъ передъ тобою,
смахнулъ передникомъ пыль,
и, хлопнувъ рукою, сказалъ:
«не съѣсть ли лепешекъ господинъ?»

А старая черная женщина
качала ребенка и пѣла:
«если бъ я былъ фараономъ,
купилъ бы я себѣ двѣ груши:
одну бы я далъ своему другу,
другую бы я самъ скушалъ».

4.

Снова увидѣлъ я городъ, гдѣ я родился
и провелъ далекую юность;
я зналъ,
что тамъ уже нѣтъ родныхъ и знакомыхъ,
я зналъ,
что сама память обо мнѣ тамъ исчезла,
но дома, повороты улицъ,
далекое зеленое море—
все напоминало мнѣ,
неизмѣненное,
далекіе дни дѣтства,
мечты и планы юности,
любовь, какъ дымъ улетѣвшую.
Всѣмъ чужой,
безъ денегъ,
не зная, куда склонить главу,
я очутился въ отдаленномъ кварталѣ,
гдѣ изъ за спущенныхъ ставенъ свѣтились огни
и было слышно пѣнье и тамбурины
изъ внутреннихъ комнатъ.

У спущенной занавѣски
стоялъ завитой хорошенькій мальчикъ,
и какъ я замедлилъ шаги, усталый,
онъ сказалъ мнѣ:
«авва,
ты кажешься не знающимъ пути
и не имѣющимъ знакомыхъ?
Зайди сюда:
здѣсь все есть,
чтобъ чужестранецъ забылъ одиночество,
и ты можешь найти
веселую, безпечную подругу
съ упругимъ тѣломъ и душистой косой».
Я медлилъ, думая о другомъ,
а онъ продолжалъ, улыбаясь:
«если тебя это не привлекаетъ,
странникъ,
здѣсь есть и другія радости,
которыхъ не бѣжитъ смѣлое и мудрое сердце».
Переступая порогъ, я сбросилъ сандалии,
чтобы не вносить въ домъ веселья
священнаго песка пустыни.
Взглянувъ на привратника,
я увидѣлъ,
что онъ былъ почти нагой—
и мы пошли дальше по коридору,
гдѣ издали
звучали бубны навстрѣчу.

5.

Три раза я его видѣлъ лицомъ къ лицу.
Въ первый разъ шелъ я по саду,
посланный за обѣдомъ товарищамъ,
и, чтобы сократить дорогу,
путь мимо оконъ дворцоваго крыла избралъ я;
вдругъ я услышалъ звуки струнъ
и, какъ я былъ высокаго роста,
безъ труда увидѣлъ въ широкое окно
его:
онъ сидѣлъ печально одинъ,
перебирая тонкими пальцами струны лиры,
а бѣлая собака
лежала у ногъ, не ворча,
и только плескъ водомета
мѣшался съ музыкой.
Почувствовавъ мой взглядъ,
онъ опустилъ лиру
и поднялъ опущенное лицо.
Волшебствомъ показала мнѣ его красота
и его молчанье въ пустомъ покоѣ
полднемъ!

И, крестясь, я побѣжалъ въ страхѣ
прочь отъ окна...

Потомъ я былъ на караулѣ въ Лохіѣ
и стоялъ въ переходѣ,
ведущемъ къ комнатѣ царскаго астролога.
Луна бросала свѣтлый квадратъ на полъ,
и мѣдныя украшенія моей обуви,
когда я проходилъ свѣтлымъ мѣстомъ,
блестѣли.

Услышавъ шумъ шаговъ,
я остановился.

Изъ внутреннихъ покоевъ,
имѣя впереди раба съ факеломъ,
вышли три человѣка
и онъ между ними.

Онъ былъ блѣденъ,
но мнѣ казалось,
что комната освѣтилась
не факеломъ, а его ликомъ.

Проходя, онъ взглянулъ на меня
и, сказавъ: «я тебя видѣлъ гдѣ то, пріятель»,
удалился въ помещенье астролога.

Ужъ его бѣлая одежда давно исчезла,
и свѣтъ отъ факела пропалъ,
а я все стоялъ, не двигаясь и не дыша,
и когда, легши въ казармѣ,
я почувствовалъ,

что спящій рядомъ Марцій
трогаетъ мою руку обычнымъ движеніемъ,
я притворился спящимъ.

Потомъ еще разъ вечеромъ
мы встрѣтились.
Недалеко отъ походныхъ палатокъ Кесаря
мы купались,
когда услышали крики.
Прибѣжавъ, мы увидѣли, что уже поздно.
Вытащенное изъ воды тѣло
лежало на пескѣ,
и то же неземное лицо,
лицо колдуна
глядѣло незакрытыми глазами.
Императоръ издали спѣшилъ,
пораженный горестной вѣстью,
а я стоялъ, ничего не видя
и не слыша, какъ слезы, забытыя съ дѣтства,
текли по щекамъ.
Всю ночь я шепталъ молитвы,
бредилъ родною Азіей, Никомидіей,
и голоса ангеловъ пѣли:
«осанна!
новый богъ
данъ людямъ!»

VI. КАНОВСКІЯ ПЪСЕНКИ

1.

Въ Канобѣ жизнь привольная:
сѣздимъ, мой другъ, туда.
Мы сядемъ въ лодку легкую,
доѣдемъ мы безъ труда.
Вдоль берега спокойнаго
гостиницы все стоятъ—
террасами прохладными
пріѣзжихъ къ себѣ манять.
Возьмемъ себѣ отдѣльную
мы комнату, другъ, съ тобой;
вѣнками мы украсимся
и сядемъ рука съ рукой.
Вѣдь поцѣлюя сладостнымъ
не надо насъ, другъ, учить:
Канобъ священный, благостный
всю грусть можетъ излѣчить.

2.

Не похожа ли я на яблоню,
яблоню въ цвѣту,
скажите, подруги?
Не такъ же ли кудрявы мои волосы,
какъ ея верхушка?
Не такъ же ли строень мой станъ,
какъ стволъ ея?
Мои руки гибки, какъ вѣтки.
Мои ноги цѣпки, какъ корни.
Мои поцѣлуи не слаще ли сладкаго яблока?
Но ахъ!
Но ахъ!
хороводомъ стоятъ юноши,
вкушая плодовъ со той яблони,
мой же плодъ,
мой же плодъ
лишь одинъ заразъ вкушать можетъ!

3.

Ахъ, нашъ садъ, нашъ виноградникъ
надо чаще поливать
и сухія вѣтки яблонь
надо чаще подрѣзать.
Въ нашемъ садикѣ укромномъ
есть цвѣты и виноградъ;
кто увидитъ кисти гроздей,
всякій сердцемъ будетъ радъ.
И калитка межъ кустами
тамъ прохожаго манитъ—
ей Зевесъ-Гостепріимецъ
быть открытою велитъ.
Мы въ калитку всѣхъ пропустимъ,
мы для всѣхъ откроемъ садъ,
мы не скупы: всякій можетъ
взять нашъ спѣлый виноградъ.

4.

Адѳниса Киприда ищетъ—
по берегу моря рыщетъ,
какъ львица.

Киприда богиня утомилась—
у моря спать она ложилась—
не спится—

мерещится ей Адѳнисъ бѳлый,
ясный взоръ его помертвѳлый,
потухшій.

Вскочила Киприда, чуть дышитъ,
усталости она не слышитъ
минувшей.

Прямо къ мѳсту она побѳжала,
гдѳ Адѳниса тѳло лежало
у моря.

Громко, громко Киприда вскричала,
и волна шумливо роптала,
ей вторя.

5.

Кружитесь, кружитесь:

держитесь

крѣпче за руки!

Звуки

звонкаго систра несутся, несутся,

въ ро́щахъ томно, они отдаются.

Знаетъ ли пильскій рыбакъ,

когда бросаетъ

сѣти на море, что онъ поймаетъ?

Охотникъ знаетъ ли,

что онъ встрѣтитъ,

убьетъ ли дичь, въ которую мѣтитъ?

Хозяинъ знаетъ ли,

не побьетъ ли градъ

его хлѣбъ и его молодой виноградъ?

Что мы знаемъ?

Что намъ знать?

О чемъ жалѣть?

Кружитесь, кружитесь:
держитесь
крѣпче за руки!
Звуки
звонкаго систра несутся, несутся,
въ рощахъ томно они отдаются.
Мы знаемъ,
что все—превратно,
что все уходитъ отъ насъ безвозвратно.
Мы знаемъ,
что все—тлѣнно
и лишь измѣнчивость неизмѣнна.
Мы знаемъ,
что милое тѣло
дано для того, чтобъ потомъ истлѣло.
Вотъ, что мы знаемъ,
вотъ, что мы любимъ,
за то, что хрупко,
трижды цѣлуемъ!
Кружитесь, кружитесь:
держитесь
крѣпче за руки!
Звуки
звонкаго систра несутся, несутся,
въ рощахъ томно они отдаются.

VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ахъ, покидаю я Александрію
и долго видѣть ее не буду!
Увижу Кипръ, дорогой Богинѣ,
увижу Тиръ, Ефесъ и Смирну,
увижу Аѳины—мечту моей юности,
Коринѣ, и далекую Византію,
и вѣнецъ всѣхъ желаній,
цѣль всѣхъ стремленій—
увижу Римъ великій!—
все я увижу, но не тебя!
Ахъ, покидаю я тебя, моя радость,
и долго, долго тебя не увижу!
Разную красоту я увижу,
въ разные глаза насмотрюся,
разныя губы цѣловать буду,
разнымъ кудрямъ дамъ свои ласки
и разныя имена я шептать буду
въ ожиданьи свиданій въ разныхъ рощахъ.
Все я увижу, но не тебя!

1905—1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Вступленіе.	
1 Какъ пѣсня матери	9
2 Когда мнѣ говорятъ: «Александрія» . . .	11
3 Вечерній сумракъ надъ теплымъ моремъ .	12
II. Любовь.	
1 Когда я тебя въ первый разъ встрѣтилъ .	15
2 Ты—какъ у гадателя отрокъ	16
3 Навѣрно въ полдень я былъ зачатъ . . .	17
4 Люди видятъ сады съ домами	18
5 Когда утромъ выхожу изъ дома	19
6 Не напрасно мы читали богослововъ . . .	20
7 Еслибъ я былъ древнимъ полководцемъ . .	21
III. Она.	
1 Насъ было четыре сестры	25
2 Весною листья мѣняетъ тополь	27
3 Сегодня праздникъ	28
4 Развѣ неправда	30
5 Ихъ было четверо въ этотъ мѣсяць . . .	32
6 Не знаю, какъ это случилось	34
IV. Мудрость.	
1 Я спрашивалъ мудрецовъ вселенной . . .	39
2 Что жъ дѣлать	40
3 Какъ люблю я, вѣчные боги	42
4 Сладко умереть	44
5 Солнце, солнце	46

V. Отрывки.

1 Сынъ мой	51
2 Когда меня провели сквозь садъ	53
3 Что за дождь!	55
4 Снова увидѣлъ я городъ	56
5 Три раза я его видѣлъ	58

VI. Канобскія пѣсенки.

1 Въ Канобѣ жизнь привольная	63
2 Не похожа ли я на яблоню	64
3 Ахъ, нашъ садъ, нашъ виноградникъ	65
4 Адониса Киприда ищетъ	66
5 Кружитесь, кружитесь	67

VII. Заключение.

Ахъ, покидаю я Александрию	71
--------------------------------------	----

КАТАЛОГЪ КН-ВА «ПРОМЕТЕЙ».

С.-Петербургъ, Поварской, 10.

АНДРЕЕВЪ, ЛЕОНИДЪ. Океанъ. Рисунки и обложка художника Б. Анисфельда . . .	2 р.	25 к.
ЛЕМОНЬЕ, К. Когда я былъ мужчиной. Съ предисловіемъ А. И. Куприна	3 »	25 »
ОКУНЕВЪ, Я. Каменное иго	3 »	— »
ОЛИГЕРЪ, Н. Гость. Повѣсти и рассказы .	3 »	— »
«ПРОМЕТЕЙ». Литературно - художествен- ный сборникъ	2 »	50 »
РУДИЧЪ, ВѢРА. Ступени. Изд. 3-е	1 »	25 »
СѢВЕРОВА, Н. Къ идеаламъ. Повѣсть съ иллюстраціями Ильи Рѣпина	3 »	— »
ТЫРКОВА, АРІАДНА. Ночью. Романъ . . .	3 »	— »
— Семь рассказовъ	3 »	— »

АННЕНСКІЙ, И. Тихія пѣсни.

— «Парнасцы и проклятые».

— Кипарисовый ларецъ. Ч. I.

— Кипарисовый ларецъ. Ч. II.

АХМАТОВА, АННА. Четки 10 » — »

— Бѣлая стая.

ГУМИЛЕВЪ, Н. Романтическіе цвѣты . . . 5 » 50 »

— Жемчуга.

— Чужое небо.

— Колчанъ.

КУЗМИНЪ, М. Чаша.

— Пѣнь.

— Ракеты.

— Вожатый.

— Александрійскія пѣсни.

КАТАЛОГЪ КН-ВА «ПРОМЕТЕЙ».

С.-Петербургъ, Поварской, 10.

АРАБАЖИНЪ, К. И. проф. Этюды о русскихъ писателяхъ. Изд. 2-е	2	р. 50	к.
БОРОЗДИНЪ, А. К. Т. I. Лермонтовъ	2	» 25	»
— Т. II. Пушкинъ	2	» 25	»
ВЕНГЕРОВА, З. А. Англійскіе писатели XIX вѣка	2	» 50	»
ВЕНГЕРОВЪ, С. А. Гоголь	3	» 75	»
— Константинъ Аксаковъ	3	» 75	»
— Дружининъ, Гончаровъ, Писемскій	3	» 75	»
ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ, Т. I. Литература и общественность	3	» —	»
— Т. II. Творчество и критика	3	» —	»
— Т. III. Великія исканія	3	» —	»
— Т. IV. Левъ Толстой	3	» —	»
МИШЕЕВЪ, Н. Очерки по исторіи всеобщей литературы. Ч. I. Греція и Римъ	2	» —	»
— Ч. II. Средніе Вѣка и Эпоха Возрожденія	2	» 50	»
— Ч. III. Литература новаго времени	2	» 50	»
МОРОЗОВЪ, М. Очерки новѣйшей литературы	2	» 75	»
ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ, Д. Н. проф. М. Ю. Лермонтовъ	2	» 50	»

КАТАЛОГЪ КН-ВА «ПРОМЕТЕЙ».

С.-Петербургъ, Поварской, 10.

- ДНЕВНИКЪ КАПИТАНА Р. СКОТТА.**
Экспедиція къ южному полюсу. Съ иллюстраціями 9 р. — к.
- ЗАПИСКИ СЕРГЪЯ МИХАЙЛОВИЧА СОЛОВЬЕВА.** Мои записки для дѣтей моихъ, а если можно, и для другихъ. Съ портретами 4 » — »
- МЕМОУАРЫ КАРМЕНЪ СИЛЬВЫ** (королевы румынской). Съ предисловіемъ автора, специально написаннымъ для русскаго изданія. Съ портретами 4 » — »
- НИЦШЕ, Фр. Антихристъ** 5 » — »
- На книгу былъ наложенъ арестъ, и значительная часть изданія была сожжена.
- ФЕЙЕРБАХЪ, Л.** Сущность христіанства. Полный переводъ подъ редакціей Ю. Антоновскаго 3 » 50 »
- ПФЛЕЙДЕРЕРЪ, О.** О религіи и религіяхъ 3 » 50 »
- ДРИЗЕНЪ, Н. бар.** Матеріалы къ исторіи русскаго театра 5 » — »
— Драматическая цензура двухъ эпохъ . 5 » — »
- СБОРНИКЪ ПАМЯТИ В. В. СТАСОВА.**
Роскошное иллюстрированное изданіе. Иллюстраціи художниковъ: Е. Бемъ, И. Гинцбурга, В. Матэ, И. Рѣпина и др.
Статьи Л. Н. Толстого, М. Горькаго и Антокольскаго 10 » — »

КАТАЛОГЪ КН-ВА «ПРОМЕТЕЙ».

С.-Петербургъ, Поварской, 10.

АБРАМОВИЧЪ, Н. Человѣкъ будущаго. Очеркъ философской утопіи Фр. Ницше	1	р.	25	к.
БАРЯТИНСКІЙ, кн. В. В. Царственный мистикъ. (Имп. Александръ I—Федоръ Кузьмичъ)	3	»	—	»
ДАСТРЪ, А. проф. Жизнь и смерть. Переводъ съ 12-го франц. изданія	2	»	50	»
МАРИНЕТТИ. Футуризмъ. (Поэзія. Живопись. Музыка. Скульптура. Женская дѣятельность. Искусство шумовъ)	3	»	50	»
МИХАЙЛОВЪ, К. Н. Имп. Александръ I—старецъ Федоръ Кузьмичъ. Съ иллюстраціями	3	»	—	»
НИСЪ, Э. Основныя черты современнаго масонства. (Современныя идеи и франкъ-масонство)	2	»	50	»
ПРИШВИНЪ, М. М. У стѣнъ града невидимаго	2	»	25	»
ФРЕЙДЪ, З. проф. Леонардо-да-Винчи. Воспоминанія дѣтства	1	»	25	»
ШТЕНБЕРГЕНЪ, А. Интуитивная философія Анри Бергсона	3	»	—	»
БУШАНЪ. Иллюстрированное пародовѣдѣніе	4	»	50	»
ТЫРКОВА, А. Старая Турція и младотурки	3	»	50	»